

ПУШКИН КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ

Семён Франк

Каких политических взглядов придерживался Александр Сергеевич Пушкин? Ответ на этот вопрос весьма непрост. Хотя бы потому, что, как и у всякого нормального человека, взгляды поэта в течение жизни претерпевали изменения. Пожалуй, лучше всего об эволюции политических взглядов Пушкина рассказал выдающийся русский философ Семён Франк (1877–1950), написавший эту статью к столетию гибели Пушкина.

Ключевые слова: политическое мировоззрение, вольнолюбивые мечты, национально-политическое умонастроение, консервативное миросозерцание, общественно-государственная жизнь

* * *

Пушкин, как всякий истинный гений, живёт в веках. Он не умирает, а, напротив, не только вообще продолжает жить в национальной памяти, но именно в смены эпох воскресает к новой жизни. Каждая эпоха видит и ценит в нём то, что ей доступно и нужно, и потому новая эпоха может открыть в его духовном образе то, что оставалось недоступным прежним. Это положение, имеющее силу в отношении гениев вообще, в особой мере приложимо к Пушкину. <...> В предлагаемом кратком этюде мы хотели бы обратить внимание читателя на политическое мировоззрение Пушкина, на его значение как политического мыслителя. <...>

Политическое развитие Пушкина можно в общих чертах определить довольно точно. Этапы его примерно совпадают с основными этапами жизни поэта (так же как этапы его общего, поэтического и духовного развития). Эпоха юношеская, лицейско-петербургская до высылки из Петербурга в мае 1820 года, эпоха кишиневская (1820–1823), эпоха одесская (1823–1824), эпоха уединения в Михайловском (с осени 1824 по осень 1826 года) и, наконец, эпоха последней зрелости, в которой год женитьбы и начало оседлой жизни в Петербурге (1831) образует также ещё некоторую грань, — таковы разделы внешней жизни поэта, в которые без натяжки укладываются и основные этапы его духовного — и вместе с ним политического — развития. <...>

«Вольнолюбивые мечты»

Известно, что Пушкин созрел умственно необычайно рано. А. Смирнова приводит чрезвычайно пронизательные слова Жуковского: «Когда Пушкину было 18 лет, он думал как 30-летний человек; ум его созрел гораздо раньше, чем характер». Уже 13-летним мальчиком Пушкин пережил сознательно патриотическое возбуждение 1812 года, и, конечно, ещё более сознательно — победоносное возвращение Александра I и русской армии в 1815 году. В наступившем после этого политическом брожении и либеральном возбуждении юноша Пушкин участвовал, несомненно, с большей умственной — если не духовной — зрелостью, чем большинство его старших современников. <...>

Счастливая судьба свела его в 1816 году в доме Карамзина с Чаадаевым, который, конечно, и тогда уже стоял неизмеримо выше среднего уровня гвардейской офицерской молодёжи. Чаадаев сразу же становится, как известно, моральным и политическим наставником юноги Пушкина. Этим определяется первое политическое умонастроение Пушкина, которое, как у всего тогдашнего поколения молодёжи, основано на сочетании патриотического подъёма с довольно неопределёнными «вольнолюбивыми мечтами». <...> Политические идеалы Пушкина были, в сущности, и тогда довольно умеренными: они сводились, помимо освобождения крестьян, к идее конституционной монархии, к господству над царями «вечного закона» («Вольность», 1819).

Первые годы высылки, именно кишиневская эпоха есть, может быть, единственный период жизни Пушкина, когда он склонялся к политическому радикализму. <...> В марте 1821 года, в письме из Кишинева к А.Н. Раевскому, он с увлечением говорит о греческом восстании. Замечательно свидетельство одной записи кишиневского дневника того же года об увлечении Пушкина Пестелем, которого он называет «умным человеком во всём смысле слова», «одним из самых оригинальных умов, которых он знает». <...> Положительные политические идеалы Пушкина и в эту эпоху не идут далее требования конституционной монархии, обеспечивающей свободу, правовой порядок и просве-

щение. Но умонастроение его, как оно выражено в «Исторических замечаниях», проникнуто моральным негодованием против власти и в этом смысле носит отпечаток *политического радикализма*. <...>

Этот «кишиневский» политический радикализм сменяется, однако, очень скоро умонастроением иного рода. Пушкин переживает, примерно со времени переселения в Одессу (1823), не только психологическое охлаждение своих политических чувств и отрезвление, но и существенное изменение своих воззрений: ещё в Кишиневе и потом в Одессе он переживает, на основании личных встреч с участниками греческого восстания, глубокое разочарование в последнем. Он увидел в «новых Леонидах» сброд трусливых, невежественных, бесчестных людей. <...>

«Я не варвар и не апостол Корана, дело Греции меня живо интересует, но именно поэтому меня возмущает вид подлецов (*ces misérables*), облечённых священным званием защитников свободы». <...> Упрёки петербургских либералов дают ему повод выразить общую мысль о ценности ходячих общественных суждений: «Люди по большей части самолюбивы, беспонятны, легкомысленны, невежественны, упрямы; старая истина, которую всё-таки не худо повторить. Они редко терпят противоречие, никогда не прощают неуважения, они легко увлекаются пышными словами, охотно повторяют всякую новость; и, к ней привыкнув, уже не могут с ней расстаться. Когда что-нибудь является общим мнением, то глупость общая вредит ему столь же, сколько общее единодушие её поддерживает». Мы имеем в этих словах первое нападение поэта на ходячий тип русского либерального общественного

мнения — в известном смысле пророческий в отношении позднейшей формации русской радикальной интеллигенции. <...>

«Безделье молодых умов»

Эпоха уединения в Михайловском (1824–1826) может считаться эпохой решающего духовного созревания поэта; в связи с последним стоит и созревание политическое. <...>

Итог его развития сказывается в суждениях Пушкина о декабрьском восстании и его подавлении, и в связи с этим — о революции вообще. Хотя он волнуется и страдает за участь своих друзей, он всё же далёк от солидаризации с их политическими страстями. <...> Он «никогда не проповедовал ни возмущений, ни революции — напротив, «желал бы вполне и искренно помириться с правительством» (Дельвигу, февраль 1826). <...>

В совершенно интимном письме к Вяземскому та же мысль выражена ещё острее: «Бунт и революция мне никогда не нравились». <...> Позднее, в отрывках 10-й главы Онегина, Пушкин дал уничижающую характеристику декабристов: «...Всё это были разговоры, и не входила глубоко в сердца мятежные наука. Всё это было только скука, безделье молодых умов, забавы взрослых шалунов». <...>

С воцарением Николая I меняется, как известно, общественное положение Пушкина. <...> Царь сначала обласкал его, даровал ему свободу, обещал избавить от мелочных придирок цензуры, взяв на себя самого роль его «единственного цензора»; фактически он его отдал под внешне вежливую, но унизи-

тельную и придирчиво-враждебную опеку Бенкендорфа, в силу которой не только литературная деятельность, но и личная жизнь поэта оставалась до самой его смерти под полицейским надзором. <...> Пушкин, искренно чаявший, что, несмотря на смуту и казни начала царствования, в лице Николая Россия обретёт достойного преемника Петра, к концу жизни пришёл к убеждению, что в Николае есть «много от прапорщика и немножко от Петра Великого» (дневник 21 мая 1834 г.).

Часто Пушкин и в последние годы жизни приходит в отчаяние от русской политической обстановки. «Чёрт догадал меня родиться в России с душой и талантом! Весело, нечего сказать!» — пишет он жене в мае 1836 года, оценивая своё положение журналиста. И всё же Пушкин сохранял искреннее доброе чувство к царю. <...> Взбешенный тем, что полиция вскрывала его письма к жене и доносила их содержание царю, возмущаясь «глубокой безнравственностью в привычках нашего правительства», он более всего удивляется, что царь, «человек благовоспитанный и честный», участвует в этой интриге (дневник, 10 мая 1834 г.); а жене он пишет по этому же случаю: «...на того (царя) я перестал сердиться, потому что, *toute réflexion faite*, не он виноват в свинстве, его окружающем. А живя в н..., по воле привыкнешь к г..., и вонь его тебе не будет противна, даром что *gentleman*». <...>

Отчасти в связи с переменой общественного положения Пушкина с начала нового царствования и с отношением к личности Николая, но по существу и независимо от этих случайных условий, просто в силу наступления окончательной духовной — и тем самым и политической — зрелости поэта, политическое миросозерцание Пушкина, начиная с 1826 года, окончательно освобождается и от юношеского бунтарства, и от романтически-либеральной мечтательности и является как глубоко государственное,

изумительно мудрое и трезвое сознание, сочетающее принципиальный консерватизм с принципами уважения к свободе личности и к культурному совершенствованию. <...>
С 1826 по 1827 год политическое мировоззрение Пушкина существенно уже не изменялось... <...>

«Озлобленным людям, не любящим России»

Общим фундаментом политического мировоззрения Пушкина было национально-патриотическое умонастроение, оформленное как *государственное сознание*. Этим был обусловлен прежде всего его страстный постоянный интерес к *внешне-политической судьбе России*. В этом отношении Пушкин представляет в истории русской политической мысли совершенный уникум среди независимых и оппозиционно настроенных русских писателей XIX века.

Пушкин был одним из немногих людей, который остался в этом смысле верен идеалам своей первой юности — идеалам поколения, в начале жизни пережившего патриотическое возбуждение 1812–1815 годов. Большинство сверстников Пушкина к концу 20-х и в 30-х годах утратило это государственно-патриотическое сознание — отчасти в силу властвовавшего над русскими умами в течение всего XIX века инстинктивного ощущения непоколебимой государственной прочности России, отчасти по свойственному уже тогда русской интеллигенции сентиментальному космополитизму и государственному безмыслию.

Уже в 1832 году Пушкин выразился в отношении своего отнюдь не радикального друга Вяземского, что он принадлежит к «озлобленным людям, не любящим России», и отметил большое место русского либерализма, упомянув о людях, «стоящих в оппозиции не к правительству, а к России» <...> В набросках к статье о Радищеве (1833) Пушкин писал: «<...> Грустно было слышать толки московского общества во время последнего польского восстания; гадко было видеть бездушных читателей французских газет, улыбающихся при вести о наших неудачах». <...>

НАСЛЕДИЕ

Замечательно, что Пушкин, при всей страстности его интереса к политической жизни не только России, но и Запада и при всём его убеждённом «западничестве», совершенно свободен от того рабски-ученического, восторженно-некритического отношения к западным политическим идеям и движениям, которое так характерно для обычного типа русских западников. Будучи западником, он очень хорошо понимал коренное отличие истории России от истории Запада и отчасти из этого исторического сознания, отчасти из конкретного восприятия политической реальности своего времени отказывался непосредственно применять политические доктрины Запада к России. <...>

«Самостоянье человека»

По общему своему характеру политическое мировоззрение Пушкина есть *консерватизм*, сочетающийся, однако, с напряжённым требованием свободного культурного развития, обеспеченного правопорядка и независимости личности, — т.е. в *этом смысле* проникнутый *либеральными* началами.

Консерватизм Пушкина складывается из трёх основных моментов: из убеждения, что историю творят — и потому государством должны править — не «все», не средние люди или масса, а избранные, вожди, великие люди, из тонкого чувства исторической традиции, как основы политической жизни, и, наконец, из забот о мирной непрерывности политического развития и из отвращения к насильственным переворотам. Как Пушкин в своей поэзии всегда прославляет гения и презирает «чернь», толпу, господствующее общее обывательское мнение, так он проповедует эту же веру в своих политических размышлениях. В стихотворении «Полководец» (1835) он заключает своё размышление над трагической судьбой непонятого

и отвергнутого общественным мнением во-
енного гения Барклая де Толли общей
мыслью:

**О люди! Жалкий род, достойный слёз
и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколеньи
Поэта приведёт в восторг и в умиление!**

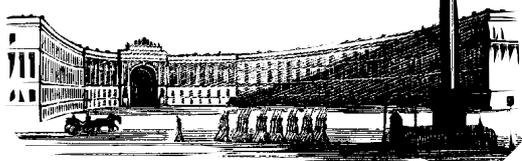
Отсюда ненависть Пушкина к демократии
в смысле господства «народа» или «массы»
в государственной жизни. <...>

Вторым мотивом пушкинского консерватизма
является, как указано, *пиэтет* к историческому
прошлому, сознание укоренённости всякого
творческого и прочного культурного
развития в традициях прошлого. <...>

На любви «к родному пепелищу» и «к отеческим
гробам» «основано от века самостоятельное
человека, залог величия его» (стихотворный
отрывок «Два чувства дивно близки
нам»).

Из этого сознания вытекает известное требование
уважения к старинному родовому дворянству
как носителю культурно-исторического преемства
страны. <...> Презируя придворное дворянство
временщиков, людей «прыгающих в князья из
хохлов», Пушкин настаивает на ценности старых
дворянских родов. Всего яснее эта мысль аргумен-
тирована в «Отрывках из романа в письмах»:

«Я без прискорбия никогда не мог видеть
уничуждение наших исторических родов...
Прошедшее для нас не существует. Жалкий
народ! Образованный француз или англичанин
дорожит строкою летописца, в которой упоми-
нается имя его предка...; но калмыки не имеют
ни дворянства, ни истории. Дикость, подлость и не-

вежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим. И у нас иной потомок Рюрика более дорожит звездой двоюродного дядюшки, чем историей своего дома, т.е. историей отечества. И это ставите вы ему в достоинство. Конечно, есть достоинство выше знатности рода — именно достоинство личное... Имена Минина и Ломоносова вдвоём перевесят все наши старинные родословные. Но неужто потомству их смешно было бы гордиться их именами?»

И, наконец, с этим чувством пиэтета к прошлому в консерватизме Пушкина сочетается забота о мирной непрерывности культурного и политического развития. <...> Если уже в 1826 году он, как мы видели, говорит о своей не любви к возмущениям и революции, то позднее эта «не любовь» превращается в настоящую тревогу, в положительную заботу о мирном течении политической жизни. <...> Не только он с ужасом думал о крестьянских бунтах — «не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» <...> он выражает эту идею и в общей положительной форме: «Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества» («Мысли на дороге»). <...>

С этими элементами консервативного мирозерцания у Пушкина органически сочетается, как указано, требование личной независимости и свободы культурного и духовного творчества — принципы, которые в буквальном смысле можно назвать «либеральными». <...>

Необычный монархист

Монархизм Пушкина есть глубокое внутреннее убеждение, основанное на историческом и политическом сознании необходимости и полезности монархии в России — свидетельство необычайной объективности поэта, сперва гонимого царским

правительством, а потом всегда раздражаемого мелочной подозрительностью и враждебностью. <...> Можно сказать, что этот взгляд Пушкина на прогрессивную роль монархии в России есть некоторый уникум в истории русской политической мысли XIX века. Он не имеет ничего общего ни с официальным монархизмом самих правительственных кругов, ни с романтическим, априорно-философским монархизмом славянофилов, ни с монархизмом реакционного типа. Вера Пушкина в монархию основана на историческом размышлении и государственной мудрости и связана с любовью к свободе и культуре. <...>

Парадоксальным образом Пушкин упрекает русскую монархическую власть — *в революционности*. При всём своём благоговении к Петру он называет его «одновременно Робеспьером и Наполеоном — воплощённой революцией» («О дворянстве»). <...> Поэтому он резко высказывается против петровской «табели о рангах», в силу которой лица из низших слоёв в порядке службы проникали в дворянство. <...> «Наследственные преимущества высших классов общества суть условия их независимости. В противном случае классы эти становятся наёмниками». <...>

Монархия есть для него единственный подлинно европейский слой русского общества, которому Россия обязана — начиная с XVII века — всем своим культурным прогрессом. Но монархия легко подпадает искушению — и именно в России, при некультурности широких масс общества, искушение это особенно велико — недооценить культурное значение независимых высших классов и в интересах абсолютизма пытаться их ослабить и связаться с низшими слоями населения. Этим открылся бы путь к уравнительному, губительному

НАСЛЕДИЕ

для культуры и свободы деспотизму, и, по мнению Пушкина, монархия, по меньшей мере со времени Петра, вступила на этот гибельный путь. <...>

В основе своей воззрение Пушкина имеет прямо пророческое значение. Какими бы ни были личные политические идеи каждого из нас, простая историческая объективность требует признания, что понижение уровня русской культуры шло рука об руку с тем «демократическим наводнением», которое усматривал Пушкин и которое стало для всех явным фактом начиная с шестидесятых годов (XIX века. — «Историк») — с момента проникновения в общественно-государственную жизнь «разночинцев» — представителей полуобразованных и необразованных классов. <...>

С крушением русской монархии русский образованный класс, а с ним и свобода, были поглощены внезапно хлынувшим потоком «демократического якобинства», того стихийно-народного, «пугачевского» «большевизма», который — по крайней мере в 1917—1918 годах — составил как бы социальный субстрат большевистской революции и вознес к власти коммунизм, окончательно уничтоживший в России свободу и культуру.

Подготовила Варвара Рудакова

